

Что-то вроде мальчика

Многие открыли ее для себя на прошлогоднем вручении «Оскара», когда она получила золотую статуэтку за роль второго плана в политическом триллере «Майкл Клейтон». Высоченный рост, абсолютно белая кожа, рыжие волосы, минимум косметики и роскошное черное платье в пол — Тильда Суинтон тут же затмила всех звезд, пришедших на церемонию.

Мужчина в юбке, женщина в штанах

Для нее и ее поклонников, знающих Суинтон прежде всего как звезду авторского кино и талисман независимых режиссеров, это был триумф. Англичанка, чей аристократический род восходит к IX веку, Суинтон — единственная из современных актрис, кому удался беспрепятственный переход из гетто артхауса в высшую лигу Голливуда. Из мира авангардистов — Дерека Джармена, Белы Тарра, Робера Лепаж — в звездную компанию Джорджа Клуни, Брэда Питта, Тома Круза, Леонардо Ди Каприо и Киану Ривза: все они были ее партнерами по съемочной площадке.

Считается, что Голливуд всех загоняет в свои жесткие рамки. А ни на кого не похожая Суинтон — исключение из этого правила. Она вообще всегда разрушала стереотипы, и, прежде всего, стереотип женской красоты. Ее уникальную внешность называют инопланетной, фигуру — андрогинной, но это не мешает ей играть роковых женщин и позировать для модных журналов. Но в кого бы она ни перевоплощалась — в женщину или мужчину, ангела или киборга, — она всегда остается чуть в стороне от собственных образов. Видимо, эта интеллектуальная дистанция и позволяет ей быть кем угодно.

Вы стали музой многих современных художников — от режиссера-авангардиста Дерека Джармена до дизайнеров Виктора и Рольфа (Victor&Rolf. — «PP»). А кто вдохновляет вас?

О, этих людей так много! Вообще все режиссеры, с которыми я начинала работать, — это выходцы из художественных школ, артисты в широком смысле слова. Но должна признать, что большинство моих муз давно умерли и стали достоянием мирового искусства (смеется). Живых вдохновителей намного меньше.

А если говорить именно об актерском деле?

Дело в том, что я не воспринимаю себя как актрису. Я модель для художника, его материал. А мой идеал актерской игры — то, как существует ослик в фильме «Наудачу, Бальтазар» Робера Брессона: нейтрально, спокойно. Отсутствие как высшая форма присутствия — хотелось бы этому научиться.

За вами закрепилось амплу андрогина. Вам все еще интересна эта игра в мужское-женское?

Конечно. Но давайте не будем ограничиваться гендером: ведь речь идет о познании собственной идентичности в целом. И чем больше я пытаюсь разобраться в ней, тем больше убеждаюсь, что никакой идентичности не существует, это какая-то непреходящая иллюзия. Я, например, все еще не могу сказать: мол, я знаю, кто я. Конечно, я могу категорично заявить вслед за Орландо (персонаж Суинтон в одноименном фильме Салли Поттер. — «PP»): «Скорее всего, я женщина». Но на самом деле не уверена, что всегда была девочкой. У меня ощущение, что долгое время я была кем-то вроде мальчика. С другой стороны, ощущения меняются...

Орландо решает возродиться женщиной, увидев смерть...

Я дочь солдата и сестра солдата. И часто думаю о том, что значит для человеческого духа принимать решения, которые принимают солдаты на поле боя, в том числе решение умирать. «Орландо» — фильм как раз о том, что такое дух, а дух не привязан к телесности. Кстати, главная-то задача, которая передо мной стояла в «Орландо», — не меняться вообще, все время быть одинаковой. Парадокс, но именно эта сопряженность с собственным духом и дарует человеку роскошь трансформировать себя, иначе говоря, быть свободным.

Вы играли мужчину не только в «Орландо», но и в театре...

Для меня это абсолютно естественное состояние — ходить по канату между мужским и женским, быть на границе разных ипостасей, в том числе сексуальных. Мне нравится ускользать от завершенности, определенности. Знаете, у меня ведь до сих пор не выросли грудь и попа более или менее стандартных женских размеров. Я до сих пор не воплотилась, я все еще в процессе становления — и счастлива от этого. Хотя я и попробовала превратить себя в женщину в «Джулии», но потом все опять вернулось на свои неопределенные места.

Правда? А многие решили, что Джулия — это как раз пародия на женщину. Она алкоголичка, потаскуха, преступница — было очень неожиданно увидеть вас в этой роли.

Да, но для меня Джулия все равно воплощает женское начало. Ведь главное в ней не то, что она все время на взводе, а то, как в этой женщине просыпается материнский инстинкт. И трагедия в том, что она не знает, что с ним делать: детей у нее нет и, наверное, уже никогда не будет. Однако состояние материнства не привязано к физиологии. Есть женщины, у которых есть дети, но они не хотят быть матерями. И наоборот.

Где предел этих трансформаций, экспериментов с собой? Или для вас его нет?

Я всегда исхожу из того, что меня волнует в данный момент. Например, с тех пор как я стала матерью, меня не покидает вопрос: что происходит с женщиной, когда у нее появляются дети, какую частицу себя она теряет, что сохраняет, что приобретает?

Не знаю, что происходит с мужчиной, когда он становится отцом, но вот про материнское бытие, наверное, кое-что понимаю — и думать над этим, ходить вокруг этого очень интересно. Кстати, скоро я буду сниматься в экранизации романа «Нам нужно поговорить о Кевине» Лионел Шривер, которую делает шотландка Линн Рэмсей, это довольно противоречивая, сложная и очень тяжелая история о матери и ребенке, вернее, о матери, которая сомневается в том, нужно ли ей быть матерью.

Или такая вещь, как старение, — я сейчас про свою героиню в «Загадочной истории Бенджамина Баттона». Это маленькая роль, но она меня очень зацепила — женщина, которая всю жизнь живет с ощущением сожаления. И только в очень зрелом возрасте решается сделать то, что всегда хотела, — как бы перематывает свою жизнь в обратную сторону.

Я сама пережила подобное, когда становилась старше. Мы живем в обществе, где считается, что определенные вещи нужно делать в определенном возрасте, что для всего есть свое время и опаздывать нельзя, что все события должны быть расположены в определенном и очень жестком порядке. И если вы что-то упустили, то уже не сможете сделать это никогда. Но думать так — значит загонять себя в тюрьму, превращаться в раба! Уверена, что все это неправда: если вы недостаточно отрывались в двадцать, вы можете оторваться в сорок, а если не оторвались в сорок, то сделайте это в шестьдесят — поверьте, такое возможно.

Хотя людям проще думать: «Все, уже поздно». Поздно не бывает никогда. Моим детям одиннадцать, и я чувствую, как сама возвращаюсь в этот возраст. Сейчас я только и думаю о том, что значит быть одиннадцатилетним человеком.

Голливудский пришелец

Когда она получила «Оскар», ей было сорок семь. По голливудским меркам — поздновато становиться звездой. Но только не для нее. Пока чуть ли не все голливудские актрисы ее возраста жалуются, что после сорока карьера заканчивается и найти достойную роль уже невозможно, Суинтон — голливудский пришелец, «чужой» — получает приглашения от лучших американских режиссеров: Дэвида Финчера, братьев Коэнов, Джима Джармуша. При этом она играет свой реальный возраст и не пытается в отличие от коллег выглядеть в жизни и на экране моложе, чем на самом деле. Дело в том, что интеллектуалка Суинтон, дебютировавшая в двадцать шесть лет, всегда была возрастной актрисой: она играла героинь с бездной внутреннего опыта.

Вас называют иконой арт-кино. Но теперь вы еще и в Голливуде снимаетесь. Этот переход — еще одна трансформация? Тяжело она далась?

Нет, потому что они сами ко мне пришли, как гора к Магомеду. Взять того же «Константина». Чтобы сыграть в нем, мне совершенно не пришлось перестраиваться: я просто взяла себя со всем своим опытом и поместила в большой голливудский фильм. Или, можно сказать, это они использовали меня как «рэдимейд».

Но даже в Голливуде вы работаете с первоклассными режиссерами — Дэнни Бойлом, Дэвидом Финчером, Кознами. Как вам удается не ошибаться при выборе проектов?

Все дело в моем прошлом. Я работала на протяжении семи лет с одним и тем же режиссером — Дерекком Джарменом. Это были абсолютно тепличные условия, как в детском саду. Лучшего места для работы над собой, для того, чтобы научиться быть по-настоящему восприимчивой, трудно было найти. Когда Дерек умер в 1994 году, я осталась без своего главного союзника. Но, к счастью, люди тогда уже знали, кто я такая, и сами стали ко мне обращаться. Фильмы, сделанные с Дерекком, — это как тыл, который до сих пор ограждает меня от людей, с которыми мне не нужно сотрудничать.

А Голливуд — отличная достопримечательность, но я там турист, человек, прилетевший с другой планеты. Опыт работы в Голливуде походил на приключение, на путешествие, когда ты очень далеко от дома — я имею в виду не географию, а контракты с большими студиями. Сейчас приключение подходит к концу, и я возвращаюсь домой. Вот снялась в ленте «Я есть любовь» моего старого друга Луки Гуаданино, знаю его двадцать лет. Действие там происходит в среде итальянских аристократов, и весь фильм, сочетающий классику и модернизм, — наш оммаж Лукино Висконти.

А что касается съемок в Голливуде, то они свидетельствуют не столько о моих изменениях — я-то осталась прежней, — сколько об изменениях на самой «фабрике грез», о том, что люди, которым доверяют там стомиллионные бюджеты, видели «Орландо» и знают Джармена. И это безусловный плюс. Потому что совсем недавно там работали те, кто смотрел только другие голливудские картины.

Вы еще в новом фильме Джармуша снялись, не расскажете о нем?

Да мне самой очень любопытно узнать, что же это будет. Джим не любит говорить, о чем его фильмы. Вернее, он говорит, что не знает, о чем они. Мы снимали в Испании с его постоянной командой, где все как одна семья. Это фильм о путешествии: главный герой встречается на своем испанском пути разных людей, включая Гаэля Гарсия Берналя, Билла Мюррея, ну и меня в том числе.

А что происходит с «Алисой в стране чудес» — режиссерским дебютом Мэрилина Мэнсона?

Ничего, так как он продолжает записывать альбомы и гастролировать (смеется). Недавно я с ним разговаривала по телефону, и он «по-прежнему заинтересован в проекте». Но все это я слышу уже несколько лет! (Смеется.) Если все получится, то это будет не экранизация «Алисы в стране чудес», а фильм о ее авторе Льюисе Кэрролле, то есть о Чарльзе Доджсоне. Очень интересная фигура: он был не только писателем, но и пионером искусства фотографии.

Получение «Оскара» сделало вас настоящей звездой. Журналисты, наверно, уже достали?

Есть немного (улыбается). Но я не читаю то, что обо мне пишут. Мне неинтересны все эти обсуждения — как я выгляжу, как одета, какая у меня прическа и т. д. Вообще в этом есть что-то странное: работать в кино двадцать лет и счастливо жить своей жизнью, а потом вдруг попасть в сферу всеобщего внимания. Но не стоит преувеличивать влияние славы, моя жизнь нисколько не изменилась, все так и идет своим чередом.

Культурная борьба

В 1995 году она устроила перформанс в лондонской галерее Serpentine: неделю прожила в стеклянном ящике на глазах у публики, причем большую часть времени спала. В 2003-м дизайнеры Виктор и Рольф посвятили ей свою женскую коллекцию, на показе которой все модели выглядели как копии Суинтон, а сама она декламировала поэму собственного сочинения. В 2005-м Суинтон выступала вместе с «бабушкой мирового рока» Патти Смит, читая тексты Брехта, Сьюзен Сонтаг, Уильяма Блейка и Уильяма Берроуза. Скоро выйдет новый альбом независимого британского музыканта Патрика Вульфа, где тоже будет звучать ее голос. Суинтон — выходец из андеграунда, и она никогда не забывает об этом, всячески поддерживая все неформатное.

Вы еще и активный участник культурного процесса вообще: делаете перформансы, участвуете в музыкальных проектах, поддерживаете молодых режиссеров. В прошлом году, например, представили в Берлине не только «Джулию», но и документальный фильм «Дерек».

Я сделала эту картину после того, как пообщалась с киностудентами в разных уголках света. Когда спрашивали, кто является для меня примером абсолютно независимого, свободного, сосредоточенного на себе кинохудожника, и я говорила: Дерек Джармен, многие из них пожимали плечами. Выросло поколение,

которое не знает, кто такой Джармен. И это очень горько. Потому что Джармен был не просто режиссером, а настоящим культуртрегером — я не говорю сейчас о его политической деятельности, о борьбе со СПИДом. Он важен как пример культурного активиста, всегда сопротивлявшегося рынку, бизнесу, форматам, стереотипам. Причем это было победительное сопротивление: в конечном итоге он достигал своей цели.

Да, но это было двадцать лет назад. Вы считаете, что сейчас такое сопротивление возможно?

Я помню, как мы сокрушались и жаловались в 1980-е, как яростно художники противостояли политике Маргарет Тэтчер или Рональда Рейгана, как все это было сложно и мучительно. Но должна признать, что тогда все было намного лучше и легче, чем сейчас. В Великобритании существовали фонды, которые безвозмездно поддерживали авторское кино. А теперь их не осталось — все сожрал рынок.

Сегодня начинающему режиссеру нужно сперва доказать, что его фильм сможет принести прибыль, причем назвать точную сумму — и только потом зайдет разговор о том, что это будет за кино. И так везде, не только в Англии. Во многом это связано с тотальным упадком и одновременно с экспансией телевидения. В 1980-е у нас было очень достойное телевидение, а главное — оно существовало отдельно от кино. ТВ было индустрией, а кино — нет, и о нем говорили как о культурном явлении. Это здоровая ситуация. А сейчас по законам индустрии существует все. Каждый должен думать о себе как о производителе продукта.

Вы руководите альтернативным кинофестивалем Ballerina Ballroom. Как возникла эта идея?

Руководу — это громко сказано. Мой фестиваль — что-то вроде вечеринки, которую я провожу у себя дома. В моем городке в Шотландии есть старый танцевальный зал, в прошлом году я решила его арендовать, но денег не было. И — представьте себе — на следующей неделе после принятия этого решения я получила «Оскар», и денежный приз был точь-в-точь таким, как сумма годовой аренды! Поначалу я сделала там обычный кинотеатр и устраивала просмотры по субботам.

Что показывали?

Свою коллекцию DVD, свои любимые фильмы. А вообще принцип был такой: показывать все, кроме того, что идет в огромных мультиплексах в полутора часах езды от городка. Потом мы оснастили зал новейшим цифровым оборудованием и в августе провели фестиваль. Его сокураторами были мои сыновья-близнецы — самые кинообразованные люди, которых я знаю. Рекламы у нас не было, вся информация распространялась через бесплатные социальные сети вроде Facebook, но зрителей было столько, что мы не смогли всех вместить. Люди, никогда не видевшие фильмы Фассбиндера, пришли смотреть его «Горькие слезы Петры фон Кант» — это был самый волшебный сеанс, на котором я когда-либо была. Хотя я смотрела этот фильм бесчисленное число раз — в университете, в синематеках, где сидит, в общем-то, подготовленная публика. А тут были в основном местные старушки и дети. И никто не ушел, и все они пришли на следующий день.

Феллини, Параджанов, Майкл Пауэлл собирали у нас аншлаги. Вместо стульев — мешки или просто голый пол. Билет стоил два или три фунта, но если вы приходите с домашними печеньями или одеты в стиле фильма, то вход свободный. Например, если вы надели килт и пришли в нем на шотландский фильм — вход бесплатный. Если надели одежду цвета «техниколор» и пришли в ней на «Поющих под дождем» (Один из самых известных фильмов, снятых в формате Technicolor. — «PP») — вход бесплатный. Если на иранский фильм «Башмак» вы пришли в красных башмачках — платить за билет не нужно.

Это будет ежегодное мероприятие?

Хотелось бы. У него уже появилось продолжение под названием Cinema Of Dreams — это передвижной кинофестиваль, который не привязан к конкретному месту. Нас поддержало шотландское правительство, и уже в марте мы будем проводить панораму шотландского кино в Пекине. Нам выделили обычный кинотеатр, но идея в том, чтобы китайцы почувствовали себя так, словно они в Шотландии. Мы все для этого делаем. Надеюсь, нам удастся вдохновить китайцев на то, чтобы они надели килт! Причина, по которой фестиваль Ballerina Ballroom оказался успешным, в том, что он был абсолютным сюрпризом для всех, включая организаторов: мы сами не понимали, что делаем и что из этого выйдет.

Вы так активно занимаетесь самыми разными проектами в самых разных областях, что хочется спросить: кем вы видите себя в будущем?

Знаете, я хочу сделать еще кое-что. Кроме Cinema Of Dreams мы создаем фонд «8 1/2». Для детей со всего мира составляется специальный каталог фильмов, с которых, как мне кажется, можно начать знакомить восьмилетнего ребенка с киноискусством. Если ребенок — где бы он ни жил — сообщит нам о своем дне

рождения, мы бесплатно вышлем ему подборку этих фильмов или ту картину, которую он выберет сам. В этом проекте нам уже помогает World Cinema Foundation Мартина Скорсезе. А официальная презентация должна состояться на Каннском фестивале в этом году. Первый фильм, который мы подарим детям, — «Башмак» Мохаммеда Али Талеби, шедевр иранского кино.

Как родилась эта идея?

Спонтанно. Меня попросили рассказать о кино на фестивале в Сан-Франциско. Но я не очень понимала, о чем буду говорить. И тут мне неожиданно помог мой сын, которому тогда было восемь с половиной лет. Однажды перед сном, лежа в кровати, он спросил: «Мама, о чем мечтали и фантазировали люди до изобретения кино?» По-моему, абсолютно сногшибательный вопрос, который волнует меня до сих пор. И я написала ему письмо с размышлениями на эту тему. Потом ее подхватил мой хороший друг, кинокритик Марк Казанс. У него нет детей, но он написал письмо себе самому, только в восьмилетнем возрасте, — о том, какие мечты его ждут в будущем.

Все мы любим кино. Все дети любят кино. Но посмотрите, как ограничен их выбор: Дисней, Пиксар, блокбастеры — все! Это же так несправедливо! Мои дети не смотрят телевизор, в этом смысле они как лабораторные мыши. Они считают, что «Вопрос жизни и смерти» Майкла Пауэлла, комедии братьев Маркс, фильмы Лорела и Харди, «Красавица и чудовище» Жана Кокто, «Все о Еве» Джозефа Манкевича — все это фильмы для детей.

Судя по всему, у вас уникальные дети...

Да нет же! Если у вас есть маленькие дети, просто покажите им эти фильмы и посмотрите на их реакцию. Уверена, они не будут разочарованы. В детях живет любовь к кино, и ее можно пробудить очень простым способом — сократив поток этого бесконечного оглушительного «бум-бума». Мои дети не любят мультиплексы, потому что там слишком громко. И я их понимаю: для маленького человека это слишком, особенно если ему лет шесть или семь. Лучше покажите им Жака Тати — кстати, это режиссер, который в своих фильмах всегда старался быть ребенком.

Ну, хоть блокбастеры с участием Тильды Суинтон ваши дети видели?

Нет, ни одного! Единственное, что они могли бы посмотреть с моим участием, — это «Хроники Нарнии». Но им хватило рекламного ролика в кинотеатре, после чего они сказали: «Мы не хотим это смотреть! Слишком громко!».

Автор: Евгений Гусятинский © Русский репортер КУЛЬТУРА, МИР 👁 4508 08.03.2009, 01:46 📌 171
URL: <https://babr24.com/?ADE=51441> Bytes: 19182 / 19014 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)